

Проблемы Старого Света

Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность

Роман Николаевич ЛУНКИН

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт Европы Российской академии наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, заместитель главного редактора журнала «Современная Европа». Адрес: 125993, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: romanlunkin@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Лункин Р.Н. (2018) Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 46–64.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64

АННОТАЦИЯ. В статье проанализирована общественно-политическая роль христианских церквей, их позиция в Европе с точки зрения статистики и присутствия околоцерковных структур в обществе. Автор делает вывод, что политизация христианства на европейском континенте связана как с сохранением роли христианских церквей в обществе, так и с секуляризацией, которая в европейском и североамериканском мире отнюдь не превратилась в десекуляризацию (возращение религии затронуло лишь Латинскую Америку, Африку и Азию). Слабость современного европейского общества в выражении и защите своей идентичности заставила политиков искать поддержки у христианского мировоззрения. Различные конфессии показали способность к стабильному развитию и социальной мобильности в период формирования ЕС. Европейская политизация христианства стала частью мирового процесса превращения религии в способ самовыражения идентичностей в условиях неизбежной глобализации и ста-

новления демократии как оптимальной нормы существования. Основными чертами этого процесса стали рост числа и влияния околоцерковных гражданских институтов, сетевая церковная деятельность, возможность отразить разные формы идентичности в рамках христианизированных демократических структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религия и политика, государственно-церковные отношения, проблемы идентичности, секуляризация, традиционализм, религиозность в Европе, межконфессиональные отношения

Церкви обладают разного рода влиянием даже в обществе, которое дистанцируется от религиозных институтов и где численность практикующих верующих падает. Пример европейских стран говорит не только об их секулярной «евроисключительности» на фоне других частей мира, где религиозность населения выше, но и о появлении новых форм косвенного участия церковных институтов в полити-

ческой жизни. Начиная со времен признания христианства властью при Константине Великом церковь выполняет определенные социальные и культурные функции, является историческим символом той или иной нации. Лишь в XVIII–XIX вв. процесс секуляризации сформировал общественное сознание, которое в предыдущие века считалось бы сумасшествием [Тэйлор 2017], и это лишило отношения государства, общества и церкви прежних оснований и логики. Церкви, в свою очередь, либо вообще отказались от тесной связи с государственной властью, либо солидаризировались с либеральными элитами. Разрыв церковей и государства, упадок христианства, казалось бы, был запрограммирован.

Однако в начале XXI в. структурный и идеологический потенциал христианства снова оказался востребован в современной публичной политике. Европейское своеобразие сформировало уникальный именно для этого континента тип церковной демократии.

В отличие от поведения церкви (прежде всего католической) в конце XIX в. – начале XX в., когда она противостояла демократии в любых формах (и социал-демократии), современные церковные структуры вступают в конфликт (или в диалог) с политическими элитами отнюдь не с реакционных консервативных позиций. Все ровно наоборот. Большинство конфессий на протяжении XX в. коснулось процесса признания демократии, прав и свобод человека, межрелигиозного диалога в качестве ценностей, которые укоренены в евангельском учении. Самым всесторонним осмыслением демократии и окончательного отделения церкви от государства стал Второй Ватиканский собор католической церкви. В радикальном виде адаптация к либеральной демократии воплощается в тех церквях (лютеране, методисты, часть англиканской церк-

ви), которые признают однополюе браки, корректируя Библию. Консервативную демократизацию совершают протестанты евангельского направления, представленные также и в Европе: баптисты, кальвинисты-реформаты, пятидесятники и харизматы, евангельские христиане, адвентисты, пресвитериане (консерватизм – в соблюдении библейских семейных и иных моральных норм). Для других церквей (в основном, православных) путь демократизации также связан с сохранением консервативных ценностей, как и у протестантов-евангелистов, но отличается более сложным процессом «развода» с национальными государствами (это хорошо заметно на примере постсоветских обществ) и намного большей ролью национально-культурной идентичности в мировоззрении и восприятии особенностей религиозности (тогда как у католиков, а тем более у евангелистов вера теснее связана с практической религиозностью).

Новая политическая роль церквей в контексте европейской политики стала предметом анализа для исследователей со второй половины 2000-х гг. как результат роста влияния религии в международных отношениях, проблем диалога христианской культуры и ислама, нарастающего демографического или миграционного кризиса в Европе, кризиса евроинтеграции и доверия к институтам власти. Как отмечают ученые, основные конфликты религии и политики разворачиваются вокруг двух ключевых разногласий. С одной стороны, это несогласие с местом религии в принятии решений, возможностями каждой деноминации сочетаться с правилами представительной демократии и восприятием разумного языка публичных дискуссий. С другой стороны, это вопросы об идентичности той или иной социальной группы на религиозной почве и балансе между вза-

имным признанием партикуляризов и свободы выражения [Foret, Itçaina 2013]. Дестабилизация Европы, как отмечают политологи, «побудила многих авторитетных представителей европейских интеллектуальных элит, церковных кругов, да и самого бизнеса поставить вопрос о необходимости возврата европейского капитализма к его моральным ценностям – трудолюбию, бережливости, скромности, индивидуальной и социальной ответственности. Эти призывы адресованы не только бизнесу, но и европейскому обществу в целом» [Рубинский 2013]. Публичная значимость религии выросла в условиях ситуации растущего плюрализма [Каргина 2015].

Опираясь на теорию «множественных современностей» («multiple modernities») исследователи делают вывод, что секуляризованная Европа не предлагает какого-либо запрограммированного пути, которому обязательно должны следовать все модернизированные общества. К примеру, разделение между секулярным и сакральным, по мнению социолога Альфреда Степана, не является доминирующей парадигмой западных демократий и в еще меньшей степени обнаруживается в остальном мире. Между тем Степан отмечает неизбежность сочетания секуляризма, современности (модерности) и демократии, а значит, необходимость организовать сосуществование религии и политики. Его идея «двойной толерантности» («twin tolerance») подразумевает, что политическое и религиозное поля могут функционировать свободно, что более правильно, чем при сепарационной модели государственно-церковных отношений [Stepan 2001].

Пытаясь понять будущее воздействие конфессий на европейцев, эксперты Всемирного банка дали оценку мировоззрения западного христианства (католицизма и протестантизма)

и православия, представителей которого стало намного больше в ЕС в связи с его расширением [Djankov, Nikolaeva 2018]. Оказалось, что православные менее счастливы, меньше готовы к экономическим рискам, меньше надеются на правительство, в большей степени полагают, что богатство возможно лишь за счет других, чем католики и протестанты. Вместе с тем различий в восприятии демократии обнаружено не было – ценности прав человека стали нормой для всех конфессий. Основанием для таких выводов послужили опросы в рамках мирового исследования ценностей (World Values Survey) и опросов Европейского и Всемирного банков (EBRD-World Bank Life in Transition Survey).

Многие авторы призывали интегрировать в европейских странах религию в публичную политику по американскому примеру [Jenkins 2007]. Другие отмечали отсутствие однозначной оценки отношений религии и общества: вера может поляризовать общества, а может служить развитию гражданственности [Berger 2005]. Ю. Хабермас подчеркивал, что в постсекулярном обществе секулярные граждане должны научиться учитывать интересы религиозных сообществ [Хабермас 2010].

Позиции христианства в Европе

Важным фактором трансформации церковных форм деятельности и демократизации церковей стало неожиданное и для самих церковей отсутствие фатального упадка веры, который бы сводил роль церковных структур к роли лишь «хранителей культуры». Несмотря на падение численности верующих практически во всех европейских странах, христианство остается ведущей религиозной силой континента. Количество церковей и верующих, вернее

представление самих церковных лидеров о своей роли и месте в обществе, является общественно-политическим фактором, который используется религиозными институтами для того, чтобы доказать свою значимость. Политики рассматривают церкви в качестве общественной силы, символа традиции, инструмента влияния на граждан. Однако роль церквей – сложносоставная, а их развитие несравнимо с деятельностью светских партий и движений.

Несмотря на то что численность христиан уменьшится, а население Европы незначительно увеличится, процент мусульман, проживающих в Ев-

ропе, по сравнению со всеми мусульманами в мире по прогнозам Центра Пью останется неизменным и в 2015, и в 2060 – 3% (на 2050 г. мусульман в Европе – 10% от всех европейцев). Православных в мире по-прежнему больше в Европе (77% на 2010), тогда как католиков и протестантов больше в южной части полушария [Orthodox Christianity in the 21st Century 2017]. Протестантов больше в Северной Европе, католиков – в Западной и Южной Европе, православных – в Восточной Европе и России.

В отличие от стран Латинской Америки или США, христианская само-

Таблица 1. Настоящее и будущее христианства и христианских конфессий в Европе*

Христианское население (по сравнению с мировым) на 2015, %	24	
Христианское население (по сравнению с мировым) на 2060, %	14	
Христианское население региона на 2011, % (Global Christianity)	76,2	
Католиков в регионе на 2011, %	46,3	261 660 000 чел.
Православных в регионе на 2011, %	35,4	200 160 000 чел.
Протестантов в регионе на 2011, %	17,8	100 640 000 чел.
Других христиан в регионе на 2011, %	0,5	3 100 000 чел.

Протестантские конфессии

	% в регионе	% от численности пятидесятников в мире
Пятидесятники	1,5	4
Харизматы	1,8	4,3
Евангельские христиане	2,9	7,5

Христианство и миграция**

Христианское население региона на 2010, %	74,5	553 280 000 чел.
Христианское население региона на 2050 с учетом ожидаемой миграции, %	65,2%	454 090 000 чел.
Христианское население региона на 2050 без учета ожидаемой миграции, %	66,7	

Христианство и возрастные группы

Христиане, 0–14 лет	15	
Христиане, 15–59 лет	61	
Христиане, 60+	24	
Христиане, средний возраст	42	

Источники:

* [The Changing Global Religious Landscape 2017];

** [The Future of World Religions 2015].

идентификация остается важным фактором национального самоопределения европейцев, несмотря на нежелание большинства посещать богослужения. Для обозначения этого феномена социологи предложили целый ряд определений: «замещающая религия» («vicarious religion») как делегирование церквям культурной и исторической роли, «вера без принадлежности» («believing without belonging») – сохранение базовых представлений о значимости христианства, о церковной тради-

ции при отсутствии интереса/доверия у большинства к религиозным структурам [Davie 2013]. Однако индивидуализация религии ведет также и к гражданской активности людей в рамках духовных околоцерковных сетей [Эрвье-Леже 2015].

Всемирное исследование ценностей (2010–2014), как и опросы Центра Пью и данные Ватикана, подтверждает стремление европейцев идентифицировать себя с какой-либо деноминацией, в том числе с католицизмом.

Таблица 2. Национальная идентичность и религия

Религиозная принадлежность и национальная идентичность в Центральной и Восточной Европе*		
	Среднее по православным	Среднее по католикам
% тех, кто сказал, что быть православным/католиком важно для национальной идентичности	70	57
% тех, кто сказал, что согласен с утверждением: «Наш народ несовершенен, но наша культура имеет превосходство перед другими»	68	45
% тех, кто считает, что государство должно поддерживать распространение религиозных ценностей и убеждений в своей стране	42	28
% тех, кто считает, что очень важно принадлежать к доминирующей религиозной группе, чтобы быть «истинным» патриотом своего государства	41	23
% тех, кто считает, что национальная церковь должна получать финансовую поддержку от государства	56	41
Статус религии в европейских странах**		
	Страны с официальной или привилегированной религией ¹	Страны, где нет официальной или привилегированной религии ²
% тех, кто полагает, что религия должна быть отделена от государственной политики	50	68
% тех, кто считает, что принадлежность к доминирующей религиозной группе важна для того, чтобы быть частью национальной идентичности	66	43

Источники:

* [Cooperman, Sahgal, Schiller 2017];

** [Kishi, Cooperman, Schiller 2017].

1 Польша, Греция, Молдавия, Сербия, Румыния, Белоруссия, Болгария, Россия, Литва, Грузия, Армения.

2 Босния, Чехия, Хорватия, Эстония, Венгрия, Латвия, Украина.

Ключевую роль в общественной структуре стали играть околоцерковные организации, которые занимаются разного рода социальной и благотворительной деятельностью (околоцерковные институты – организации, проекты и инициативы, созданные с санкции церкви или сотрудничающие с церковью, основанные верующими или «сочувствующими», но не имеющие прямой официальной связи с церковью). Существуют межцерковные организации (общеевропейские ассоциации) и церковные структуры (например, католическое общество «Каритас»), а так-

же множество неправительственных организаций, связанных с конфессиями и верующими (faith-based organizations). Такого рода организации стали играть самостоятельную роль во взаимодействии со структурами ЕС в условиях, когда церкви потеряли привилегии, а национальные церкви перестали играть прежнюю роль в условиях евроинтеграции [Steven 2009; Beaumont, Cloke 2012]. Точной статистики численности такого рода организаций нет, в рамках ЕС по религиозному признаку подсчет не ведется. Однако значимость околоцерковных некоммерческих ор-

Таблица 3. Христианские конфессии в некоторых странах Европы, World Values Survey (2010–2014)³

Германия		
Католики	Протестанты	Православные
26,6	32,6	1,7
Нидерланды		
Католики	Протестанты	Православные
17,6	10,5	–
Польша		
Католики	Протестанты	Православные
92,3	0,2	0,8
Россия		
Католики	Протестанты	Православные
0,3	1,2	60,7
Испания		
Католики	Протестанты	Православные
72,3	0,9	0,2
Украина		
Католики	Протестанты	Православные
6,2	2	73,2
Швеция		
Католики	Протестанты	Православные
1,3	59,9	0,8

³ Выборка стран отражает наличие данных в рамках этой волны исследований, а также представляет собой пример стран с православным, католическим, протестантским большинством и смешанных. World Values Survey (2010–2014). Crossings by country Study # 906-WVS2010. v.2015.04.18. 3.332–344.

ганизаций постоянно растет. Представление о роли околоцерковных институтов в гражданском обществе может дать наиболее подробная статистика крупнейшей конфессии – католической церкви.

На 2017 г., согласно данным церковного Института статистики, из 716 млн европейцев членами католической церкви являются 285 млн, или 39,87% населения (численность католиков в среднем снижается на 0,21%). При этом на 2000 г. в Европе проживало 27,8% католиков всего мира и 41,4% католиков среди европейского населения [Presentazione dell'Annuario Pontificio 2000]. Об относительности этих цифр говорит то, что количество католиков в мире растет, но остается в пределах 18% населения планеты, в Европе численность католиков снижается, но сохраняется на уровне 40% от всего европейского населения (что вполне сочетается с итогами опросов Центра Пью). Европа лидирует по количеству священников (170 тыс. чел.) среди всех частей света.

В контексте укрепления общественной роли церкви ключевое значение имеет количество благотворительных и иных социальных организаций. По этому признаку Европа отличается от всех остальных частей света, несмотря на спад числа верующих. Социальных организаций в Европе практически столько же, сколько и в Америке (в 2017 г. – 39 361 в Европе, в Америке 39 734), хотя на американском континенте католиков в два раза больше. Помимо этого, в Европе самое большое количество представителей церкви – сотрудников светских институтов (на 2017 г. – более 14 500, в три раза больше, чем в Америке). На 2017 г. в мире насчитывается 118 тыс. католических общественных и благотворительных институтов. Динамика 2000-х гг. показывает рост значения «иных социальных институтов», то есть новых социальных

проектов, помимо существующих образовательных и социальных учреждений церкви, с 1688 в 2004 г. до 15624 в 2015 г. [Le Statistiche della Chiesa Cattolica 2017].

Динамика развития социальных институтов показывает не только рост их числа, но и изменение характера участия общин и верующих в общественной жизни. Во-первых, к 2017 г. почти половину всех форм социальной организации составляют неформальные или новые инициативы (иные социальные институты, помимо больниц, детских домов, домов престарелых, образовательно-воспитательных организаций, которые в 2004–2012 гг. составляли большую часть). Во-вторых, общий рост привычных и, в особенности, новых социальных форм организации пришелся на период обострения миграционного кризиса и необходимости помощи беженцам и в целом осознания миссии церкви среди всех категорий иммигрантов при папе Франциске. Как на примере Испании подчеркивает И.Л. Прохоренко, хотя сферы деятельности католической церкви и были ограничены (основы католицизма изъяты из числа базовых школьных дисциплин, влияние христианских ценностей на сознание и поведение людей снизилось), церковь играет ведущую роль в помощи иммигрантам, фактор религиозной идентичности растет в условиях инокультурной иммиграции, ставящей под вопрос принципы светского государства [Прохоренко 2015, с. 87]. Приспособление церкви к новым обстоятельствам и реакция на социальные вызовы говорят о мобильности и высокой степени самоорганизации церкви в Европе.

Помимо католицизма, аналогичные качества присущи протестантским конфессиям – как «старым» лютеранским и реформатским церквям, так и «новому» евангельскому движению евангелистов и пятидесятников. Од-

ним из примеров изменений, произошедших в скандинавском лютеранстве, являются развитие диаконии в церкви Швеции и трансформация приходской деятельности, которая стала включать в себя активную помощь иммигрантам, широкий экуменический диалог, даже доступ к причастию некрещеных и прием на работу мусульман [Чернышева 2015, с. 507–529]. Православные церкви Европы идут в этом же направлении, отвечая на социальные нужды людей: создаются новые типы приходов как социокультурных комплексов, постепенно возникают околоцерковные фонды и проекты (примеры церквей Греции и России говорят о том, что они способны эволюционировать вместе с гражданским обществом и его чаяниями). В Русской православной церкви разворачивание социальной сети приходов происходит с конца 2000-х гг., когда священники стали делегировать ответственность и полномочия мирянам. Православие стало фактором, увеличивающим социальный капитал россиян [Забавев, Орешина, Пруцкова 2014, с. 64–65]. Значительное присутствие околоцерковных организаций в обществе – это политический ресурс, который привлекает политиков, стремящихся использовать христианство для укрепления общеевропейского проекта.

Запрос на христианскую идентичность

С конца 2010-х гг. христианские церкви в лице своих священнослужителей и мирян – церковных активистов или политиков – участвуют в большинстве актуальных дискуссий в Европе. Религиозная аффилиация влияет на политические предпочтения, сохраняется в целом влияние на ценности и культуру европейцев [Kulkova 2017]. Логи-

ка церковного участия в критике тех или иных партий или же сотрудничества с властями состоит в стремлении максимально сохранить свою независимость от политических элит. Именно с этим связано обращение к центральной идее, которую защищают церкви, – это идея Европы как дома для всех народов, основанного на универсальных христианских ценностях. Церковное мировоззрение не тождественно национальной исключительности, ксенофобии понимаемому национализму, мигрантофобии, исламофобии, радикальному евроскептицизму. Но позиция церквей (католиков, православных, консервативных протестантов) также не тождественна и глобализму, политике либеральной бюрократии, либерализации в сфере моральных ценностей, евроинтеграции на основах секулярной политкорректности.

Проблемы и особенности распространения ислама в современной Европе не являются объектом исследования в данной статье, но рост влияния христианства в самых разных аспектах тесно связан с исламом. Присутствие ислама спровоцировало интерес к религиозной идентичности в целом и возродило дискуссии о соотношении религиозного и светского, ценностей веры и их воплощения в европейском обществе, соотношения религии и демократии, идентичности и глобальных либеральных ценностей. Определяющими факторами, заставившими политиков обратиться к религии, а религиозных деятелей к политике, стали возможности и опасности религиозного фундаментализма (в том числе в рамках экстремистских проявлений), неконтролируемая инокультурная иммиграция, становление ислама как элемента европейской культуры и идентичности.

В европейском обществе, подверженном фобиям исламизации и изменениям этнического состава населения,

выжженном секуляризацией, которая исключает любое освящение церковью чего бы то ни было, политические деятели заявили о востребованности христианства в публичной сфере. Произошло это впервые столь масштабно после активного участия христианских деятелей в выстраивании общеевропейского единства в послевоенные годы. Стремление привлечь в 1990-е гг. церкви к деятельности Европейского сообщества в рамках инициативы «Душа Европы» председателя Еврокомиссии Жака Делора не привела к каким-либо конкретным результатам. В 2000-е гг. Евросоюз отказался ссылаться на христианские корни в Конституции, а затем в Лиссабонском договоре (хотя ст. 17 и гарантировала церквям особый статус). К 2010-м гг. страх перед миграцией, ростом влияния ислама, международным терроризмом, дезинтеграцией в ЕС, брекзитом и его аналогами в других странах заставил остро ощутить дефицит идентичности и размывание основ для евроинтеграции.

Следует отметить, что к 2000-м гг. христианские партии в целом ряде стран сохранили свои позиции в общественной жизни, однако потеряли связь с церковными структурами и прямую ориентацию на конфессиональный электорат. Ярким примером стал Христианский демократический союз в Германии, где при Ангеле Меркель католики потеряли свое традиционное право занимать посты в высшем партийном руководстве. Между тем действующие политики стали активно обращаться к христианским лидерам с призывами, побуждающими их к большей гражданской активности.

Одним из первых таких призывов, вызвавших бурную общественную реакцию, была речь премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона в апреле 2014 г. на пасхальном приеме и его последующая статья в «Church Times»⁴. В то время как даже англиканские иерархи называют свою страну «постхристианской», Кэмерон призвал не стесняться заявлять о том, что Великобритания – христианская страна, быть более уверенными в этом, амбициозными и «более евангельскими». По его мнению, расширение роли околицерковных организаций поможет изменить общество, а политике не хватает «евангелизма», чтобы осознать роль церквей как жизненно важных партнеров государства для улучшения жизни людей и морального состояния общества. Заявление Кэмерона вызвало критику со стороны секулярно настроенной части интеллигенции. Большинство церквей Великобритании (католики, англикане) выступили впоследствии против брекзита, но это не смогло решить исход референдума. Однако церковно-политическая тематика стала более заметной.

Другой и еще более эпохальной речью стало выступление президента Франции Эммануэля Макрона в апреле 2018 г. перед более чем 400 членами Конференции католических епископов Франции⁵. Э. Макрон прямо подчеркнул необходимость восстановить разрушенные партнерские отношения между церковью и государством, роль церквей в социальном служении, межрелигиозном диалоге, защите прав верующих во всем мире. По словам Макрона, в эпоху социальной напряженно-

4 Cameron D. (2014) My Faith in the Church of England // Church Times, April 16, 2014 // <http://www.churchtimes.co.uk/articles/2014/17-april/comment/opinion/my-faith-in-the-church-of-england>, дата обращения 23.05.2018.

5 Discours du Président de la République devant les Evêques de France (2018) // Eglise Catholique en France, April 10, 2018 // <https://eglise.catholique.fr/actualites/cef-recueil-emmanuel-macron/454837-discours-president-de-republique-devant-evêques-de-france/>, дата обращения 23.05.2018.

сти он не может допустить углубления недоверия католиков к политике и к политикам, которые на протяжении многих лет не понимали церковь. Европейцы нуждаются в христианских смыслах в своей жизни и работе, поскольку люди страдают не только от экономических кризисов, но и от релятивизма и нигилизма. Обращаясь к епископам, Э. Макрон сказал беспрецедентные для представителя истеблишмента ЕС слова: «Не впадайте в отчаяние по поводу Европы, которую вы воспитали. Не покидайте землю, которую вы возделали». Таким образом, Э. Макрон реабилитировал христианские корни Европы в рамках публичной политики. Дискуссию вокруг роли церкви начал во время своей предвыборной кампании Франсуа Фийон, проигравший Макрону. Католические симпатии Фийона за нарушение принципа светскости раскритиковала Марин Ле Пен. Э. Макрон за свою речь перед епископами был осужден за то же самое представителями Социалистической партии.

Вместе с тем партнерские отношения церкви и государства не так просто вписать в либеральную модель отношений ЕС с «конфессиональными и неконфессиональными» организациями. Ярким примером сложного взаимодействия церкви и политики в ЕС является позиция канцлера Германии Ангелы Меркель, дочери протестантского пастора, которая, по существу, установила принцип «светскости» в ХДС. Еще в 2007 г. Меркель заявила, что упоминания о Боге и о христианских корнях не будет в проекте Конституции ЕС, хотя сама она не против этого. Таким же образом в 2017 г. Меркель разрешила членам партии голосовать самостоятельно

по вопросу об однополых союзах, хотя сама она – против легализации однополых браков (в итоге однополые браки были разрешены).

Несколько раз Меркель пыталась сделать позицию католической церкви более политкорректной и соответствующей линии ЕС. В 2009 г. Меркель потребовала от папы Бенедикта XVI выступить с заявлением о неприемлемости отрицания Холокоста в ответ на решение папы не лишать сана британского епископа-антисемита Ричарда Уильямсона (хотя папа и осудил позицию епископа). В 2010 г. Меркель создала комиссию по расследованию случаев сексуального насилия в стенах церкви и религиозных образовательных учреждениях. В 2012 г. она призвала католиков и протестантов к примирению, а евангелическо-лютеранской церкви посоветовала быть «более живой» – вовлекать граждан в социальную работу и просвещать их по поводу христианских праздников – и толерантной к исламу. В 2014 г. Меркель специально звонила папе Франциску, который сам сказал об этом в одном из интервью, с тем чтобы понтифик объяснил ей свои обидные слова о Европе как «бесплодной старой женщине», сказанные им во время речи в Европарламенте в ноябре 2014 г. Наконец в рамках общего тренда «возвращения христианства» Меркель высказалась в 2015 г. Канцлер подчеркнула, что хочет видеть больше людей, открыто говорящих: «Я – христианин!». Кроме того, те, кто говорят об опасности ислама, должны, по ее мнению, обращать внимание на собственные корни: канцлер надеется, что жители Старого Света вернуться к своим религиозным практикам⁶.

6 «Вы не хотите исламизации Европы? Приходите в церковь!». Неожиданная позиция Ангелы Меркель (2015) // Сибирская католическая газета. 15 сентября 2015 // <http://sib-catholic.ru/vyi-ne-hotite-islamizatsii-evropyi-prihodite-v-tserkov-neozhidannaya-pozitsiya-angelyi-merkel/>, дата обращения 23.05.2018.

Интересы брюссельской бюрократии в отношении церквей – в том, чтобы мобилизовать христианское наследие в качестве основы для сплоченности европейцев, в том числе «новых» европейцев, иммигрантов и беженцев, представителей других религий. Об этом свидетельствуют и встречи на высшем уровне, и заявления руководителей ЕС. Заместитель председателя Еврокомиссии Франс Тиммерманс, курирующий религиозную сферу, подчеркивает важность «иудео-христианского наследия»: «когда мы говорим об этом наследии, значит ли это, что мы гордимся им и хотим, чтобы оно было основой для диалога с другими? Или же мы делаем это, потому что хотим исключить из нашего сообщества тех, кто не обладает этим наследием, и создать разделение? (...) Мое христианское наследие ничего не значит для меня, если оно исключает других... Я был воспитан иезуитами и францисканцами... Возможно, поэтому сейчас я социалист... Я говорю, как вы, выгляжу, как вы. Совсем не опасен. Я научился тому, что вера не является чем-то абсолютно определенным... Это открытость к людям разных взглядов». Тиммерманс прямо убеждает католических прелатов переформатировать понимание наследия, в том числе в духе энциклик папы Франциска: «Если вы хотите, чтобы Европейский союз обрел второе дыхание, надо рассматривать наше наследие как открытое приглашение, а не что-то из прошлого. Если мы этого не сделаем, это приведет к тоске по прошлому, которая быстро станет новым опиумом для народа. Такая ностальгия, как хорошее вино: оно прекрасно, когда пьешь один-два бокала, но не целую бутылку вина... Догмы, ко-

торых мы придерживаемся как католики и христиане, – это фонарные столбы, освещающие путь. И используйте их так, но не будем пьяницами, которые держатся за столбы, как за догмы, и не движутся вперед». Тиммерманс прямо повторяет основные идеи из речей папы Франциска о беженцах – о том, что главной угрозой является «дегуманизация» в отношении к другим людям. Христианство учит тому, что надо смотреть на мир глазами другого, даже если это африканский беженец в лодке в Средиземном море⁷.

Для политических лидеров, независимо от их личной конфессиональной принадлежности (или равнодушия к вере), христианство стало необходимой частью политической программы. Без христианства не обойтись в противостоянии угрозе исламизма, в решении проблем с мигрантами и их иными конфессиональными и культурными предпочтениями, в преодолении недоверия к бюрократии в Брюсселе. Однако если для правящей либеральной элиты ЕС обращение к церквям – это стремление найти союзников для сохранения своего места в Европейском Союзе как едином пространстве, то для оппозиции («правых популистов») это восполнение вакуума традиции и идентичности, который был создан политикой секуляризации и политкорректности, оправдание евроскептицизма и мягких или радикальных форм ксенофобии.

В рамках «правого популизма» религиозная тематика стала инструментом более ясного обозначения стоящих перед обществом проблем и претензий к правящим кругам. К примеру, лидер христианского крыла партии «Альтернатива для Германии» Анетт Шультнер

7 Speech at the Opening Ceremony of the COMECE (Re)thinking Europe Conference (2017) // European Commission, October 27, 2017 // http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50189, дата обращения 23.05.2018.

(в 2013 г. вышла из ХДС) не раз заявляла, что те, кто запрашивают убежища, на самом деле хотят просто устроиться на работу в Германии и «воруют национальную идентичность» у страны⁸. В программе партии «Альтернатива для Германии» религиозной тематике уделяется больше всего места по сравнению с другими движениями в разделах «Ислам не является частью Германии»⁹ и «Немецкая культура вместо «мультикультурализма»». С одной стороны, партия выступала за рациональную критику религии, прежде всего ислама, против религиозных символов в публичном пространстве. С другой стороны, среди основ немецкой культуры перечисляются ценности христианства, античности, гуманизма и Просвещения: «Идеология мультикультурализма ставит под угрозу все эти культурные достижения»¹⁰.

Партия «Право и справедливость» в Польше позиционирует себя как защитницу национальной идентичности и католической церкви, поддерживает тесные отношения с Польской конференцией епископов. Под влиянием католиков партия Ярослава Качиньского продвигает полный запрет абортов, а также приняла решение ограничить доступ к экстренной контрацепции («таблетка следующего дня»), хотя согласно общим правилам ЕС такого рода контрацепция должна быть доступна без рецепта¹¹. Было приостановлено финансирование процедур искусственного оплодотворения.

Лидер венгерской правой партии «Фидеш» премьер-министр Венгрии

Виктор Орбан расценивает миграционный кризис как вызов для христианского характера европейского континента. Орбан считает себя христианским консервативным политиком, его партия сотрудничает с Христианско-демократической народной партией (Kereszténydemokrata Néppárt – KDNP). Ультраправая венгерская партия «Йоббик» (Партия за лучшую Венгрию) более открыто, чем «Фидеш», называет себя «патриотической христианской партией». Манифест этой партии является одним из редких примеров отсылки к христианскому вероучению, а не просто к проблемам идентичности¹². Помимо этого важно отметить, что партия призывает религиозные институты активно включиться в политическую деятельность.

Правая партия «Вперед, Италия» выступает скорее за больший контроль над религиозной жизнью мусульман. Согласно своей программе, партия против интеграции мусульманских общин в итальянское общество, несанкционированные мечети должны быть закрыты, а в контролируемых местах культы проповеди должны вестись только по-итальянски¹³.

Итальянская Лига Севера, в которой католики играют большую роль, выступает в защиту распятий в публичных местах, против экспансии мультикультурализма. Австрийская Партия свободы определяет христианство как духовное основание Европы, отстаивает право на церковный звон против мусульманского азана (громкой молитвы с минарета). Шведская народная пар-

8 Strickland P. (2017) Populism and the Fight for the Soul of German Churches // Al Jazeera, September 5, 2017 // <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/07/populism-fight-soul-german-churches-170724140321875.html>, дата обращения 23.05.2018.

9 Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии» // <https://www.afd.de/zuwanderung-asyl/>

10 Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии» // <https://www.afd.de/kultur-medien/>

11 Prange A. (2017) How the Catholic Church Ties in to Poland's Judicial Reform // DW.com, July 24, 2017 // <http://www.dw.com/en/how-the-catholic-church-ties-in-to-polands-judicial-reform/a-39809383>, дата обращения 23.05.2018.

12 Манифест партии «Йоббик» // https://www.jobik.com/manifesto_0

13 Официальный сайт партии «Вперед, Италия» // <http://www.direzione-italia.it/immigrazione/>

тия также выступает против мечетей и минаретов, ее сторонники – консервативная часть лютеранской церкви. Национальный фронт Франции с ультраконсервативным крылом использует образ Жанны д'Арк и христианские символы. Однако Национальный фронт не акцентирует внимание на христианских ценностях, а исходит из французского понимания светскости.

В Великобритании манифестации против мигрантов-мусульман проводят Английская лига защиты (EDL) и националистическая Британская национальная партия (BNP), а также ряд социалистов-антифашистов. Попытку обратиться к прохристианской риторике BNP делала еще в 2006 г. Партия выступила за возвращение молитвы в школы, а также выпустила постер с изображением Иисуса Христа и надписью: «Если Меня гнали, то будут гнать и вас...» [Ин 15:20]. Сразу после публикации постера с осуждением партии резко выступили церковь Англии, Конференция католических епископов Англии и Уэльса, методистская церковь и ряд христианских организаций. Они заявили о недопустимости использования цитат и евангелия в ксенофобских целях. А в 2008 г. церковь Англии запретила священнослужителям быть членами BNP. Английская лига защиты также объявляла о защите христианской идентичности – на логотипе партии изображен крест и надпись «In hoc signo vincens» («Сим победишь»), с которой победу одержал император Константин¹⁴.

Лидер Партии независимости Соединенного Королевства (UK Independence Party (UKIP) Найджел Фарадж

неоднократно отмечал, что волнуется по поводу ухода христианства из британской жизни, а также говорил о том, что надо сохранять иудео-христианские ценности, чтобы побороть внутренние угрозы. Эти заявления Фараджа привели к религиозному курьезу: в одной из евангельских (протестантских) общин в Пакистане Фараджа стали считать пророком, который возродит «истинное иудео-христианство» в Европе¹⁵.

Новые трактовки роли христианства в Европе со стороны светских деятелей, как либералов, так и традиционалистов, стали для руководства церквей совсем не выгодным предложением, а вызовом, искажением сути христианства. Представители власти не готовы видеть в церковных лидерах политиков, но требуют от них выполнения политических задач. Христианские иерархи уже не хотят быть политиками, но, естественно, хотят видеть в активистах, цитирующих Библию, христиан. В рамках этой атмосферы взаимного непонимания церкви вступили в конфликт и с носителями секулярной идеологии, и с теми, кто решил, что церкви можно снова напрямую вовлечь в политическую деятельность в качестве символа защиты «национальной идентичности».

Руководство церквей, как правило, заявляет о невмешательстве в политику, и это не формальность: высшие иерархи редко заявляют о поддержке какой-либо партии или политической идеологии, предпочитают нейтралитет, тем более что политические элиты диктуют секулярные правила поведения в публичном пространстве. Парадокс

14 Spencer N. (2017) The Rise of Christian Populism // Bible Society, October 6, 2017 // <https://www.biblesociety.org.uk/latest/news/the-rise-of-christian-populism/>, дата обращения 23.05.2018 (Н. Спенсер – директор британского межконфессионального христианского центра «Теос»).
15 Warren J. (2017) The Pakistani Christians Who Worship Nigel Farage // VICE.com, August 14, 2017 // https://www.vice.com/en_uk/article/gyygg7/the-pakistani-christians-who-worship-nigel-farage, дата обращения 23.05.2018.

в том, что это делает позицию христианских институтов еще более заметной и привлекательной, а главное объединяющей и более сильной идеологически по сравнению с бюрократией и любыми партиями.

Позиция церквей, которые приветствуют иммигрантов и защищают единство Европы, кажется противоречием с их ролью национальных символов. Но таким образом, во-первых, они выступают в качестве самостоятельных субъектов политики в отношении национальных властей со своими амбициями, изменениями в политике, их политкорректной светскостью. Во-вторых, актуализируют христианские ценности в обществе, которое их не уже не чувствует и с готовностью и легкостью заменяет на культуру, историю, крайний либерализм или фанатичный национализм. В-третьих, позволяет церкви свободно действовать на аполитичном поле социальной работы – благотворительности, волонтерства, околицерковных общественных объединений. В-четвертых, для церкви на протяжении XX в. более важной стала наднациональная миссия как естественное следствие глобализации и евангельской природы мировой миссии, от которой христианство никогда не отказывалось.

* * *

Политизация христианства на европейском континенте связана как с сохранением роли христианских церквей в обществе, так и с секуляризацией, которая в европейском и североамериканском мире отнюдь не превратилась в десекуляризацию (подъем религиозности затрагивает Латинскую Америку, Африку и Азию) и создала вакуум идентичности. Кризис мировоззрения современного западноевропейского общества, неспособность элит выражать и защищать свою идентичность,

недоверие к общеевропейским институтам заставили политиков искать поддержки у христианских церквей и религиозного мировоззрения. Различные конфессии показали способность к стабильному развитию и социальной мобильности в период формирования ЕС. Церкви предложили европейским политикам и их избирателям довольно широкий спектр религиозно мотивированных предпочтений, способных подвести фундамент идентичности под разные платформы. В наибольшей степени чаяниям европейской бюрократии отвечают либеральные лютеранские церкви Северной Европы, но они более слабы в миссионерском плане, чем католики и евангелисты; католическая церковь в лице своего европейского епископата является проповедником европейского единства (но на условиях христианской солидарности и милосердия), однако не так либеральна в межрелигиозном диалоге и консервативна в семейных ценностях (хотя внутри католицизма есть разные течения); православные церкви и евангельские деноминации (большинство из которых составляют баптисты, пятидесятники и харизматы) отстаивают образ христианской Европы, но не всегда готовы поддерживать Евросоюз, могут не связывать это единство с единением вокруг брюссельских структур и более артикулированно проявляют свой библейский консерватизм и борьбу за моральные ценности как ключевой элемент идентичности, чем католики.

Европейская политизация христианства стала частью мирового процесса превращения религии в способ самовыражения множества идентичностей в условиях неизбежной глобализации и становления демократии как оптимальной нормы социального существования. Основными чертами этого процесса стали рост числа и влияния околицерковных гражданских инсти-

тутов, сетевая церковная деятельность, возможность выразить свое представление об идентичности на религиозном языке в рамках партийно-политических и общественных демократических структур. Религия приобрела совершенно иные черты: практическая религиозность в социальном контексте перестала быть главной характеристикой веры, а религиозная идентичность (христианская или исламская) стала важным фактором общественных дискуссий и политической жизни посредством того, что можно назвать «гражданской религиозностью» – комплексом социальных, культурных, политических инициатив верующих и сочувствующих им, где Евангелие может быть руководством к действию и для либеральных демократов, и для консерваторов-фундаменталистов.

Список литературы

- Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. (2014) Социальный капитал русского православия в начале XXI в: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1(32). С. 40–66.
- Каргина И.Г. (2015) Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ: Дисс. на соискание ученой степени доктора социологических наук. М.: МГИМО (У) МИД России.
- Прохоренко И.Л. (2015) Этнополитические процессы и нация в меняющемся мире. Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной иммиграции // Мировая экономика и международные отношения. Т. 59. № 12. С. 80–89.
- Рубинский Ю.И. (2013) Ценностные ориентиры Европы. М.: Институт Европы РАН.
- Тейлор Ч. (2017) Секулярный век. М.: ББИ.
- Хабермас Ю. (2010) Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис. № 2. С. 7–21.
- Чернышева О.В. (ред.) (2015) Религия и церковь в Швеции: от эпохи викингов до начала XXI века. М.: Наука.
- Число католиков в мире достигло 1,3 млрд человек (2017) // Сибирская католическая газета. 24 октября 2017 // <http://sib-catholic.ru/chislo-katolikov-v-mire-dostiglo-1-3-mlrd-chelovek/>, дата обращения 01.07.2018.
- Эрвье-Леже Д. (2015) В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1(33). С. 254–268.
- Beaumont J., Cloke P. (2012) Faith-based Organizations and Exclusion in European Cities, University Press Scholarship. DOI: 10.1332/policypress/9781847428349.001.0001
- Berger P.L. (2005) Religion and Global Civil Society // Religion in Global Civil Society (ed. Juergensmeyer M.), Oxford: Oxford University Press.
- Cooperman A., Sahgal N., Schille A. (2017) Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe // Pew Research Center, May 10, 2017 // <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf>, дата обращения 01.07.2018.
- Davie G. (2013) The Sociology of Religion: A Critical Agenda, Los Angeles; London.
- Djankov S., Nikolova E. (2018) Communism as the Unhappy Coming. Policy Research Working Paper 8399. World Bank Group.
- Foret F., Itçaina X. (2013) Politics of Religion in Western Europe: Modernities in Conflict? Routledge/ECPR Studies in European Political Science.

Global Christianity (2011). A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population // Pew Research Center, December 19, 2011 // <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/>, дата обращения 01.07.2018.

Jenkins Ph. (2007) *God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis*, Oxford: OUP.

Kishi K., Cooperman A., Schiller A. (2017) Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially // Pew Research Center, October 3, 2017 // <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/09/29162847/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf>, дата обращения 01.07.2018.

Kulkova A. (2017) *Religiosity and Political Participation across Europe // Values and Identities in Europe. Evidence from the European Social Survey* (ed. Breen M.J.), London: Routledge, pp. 36–57.

Le Statistiche della Chiesa Cattolica. Giornata Missionaria Mondiale 2004–2017 (2017) // Agenzia FIDES. Information Service of the Pontifical Mission Societies // www.fides.org, дата обращения 01.07.2018.

Mudrov S.A. (2014) *The European Union and Christian Churches: The Patterns of Interaction*. Discussion Paper, No. 3/14, Europa-Kolleg Hamburg, Institute for European Integration, Hamburg // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/100266/1/792631250.pdf>, дата обращения 01.07.2018.

Orthodox Christianity in the 21st Century (2017) // Pew Research Center, No-

vember 8, 2017 // <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>, дата обращения 01.07.2018.

Presentazione dell'Annuario Pontificio (2000) // Bollettino. Sala Stampa della Santa Sede, February 5, 2000 // <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2000/02/05/0071/00315.html>, дата обращения 01.07.2018.

Stepan A. (2001) *The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the "Twin Tolerations"* // Stepan A. *Arguing Comparative Politics*, Oxford: Oxford University Press, pp. 213–254.

Stepan A. (2003) An "Arab" More Than "Muslim" Democracy Gap // *Journal of Democracy*, vol. 14, no 3, pp. 30–44. DOI: 10.1353/jod.2003.0064

Steven M. (2009) *Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation?* // *Religion, State and Society*, vol. 37, no 1–2, pp. 181–191. DOI: 10.1080/09637490802693981

The Changing Global Religious Landscape (2017) // Pew Research Center, April 5, 2017 // <http://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>, дата обращения 01.07.2018.

The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 (2015) // Pew Research Center, April 2, 2015 // <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>, дата обращения 01.07.2018.

Problems of the Old World

The Social and Political Role of Religion in Europe: the Demand for Christian Identity

Roman N. LUNKIN

PhD in Philosophy, Senior Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Head of Center for Religious Studies, Deputy Editor-in-Chief of "Contemporary Europe". Address: 11/3, Mokhovaya St., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: romanlunkin@gmail.com

CITATION: Lunkin R.N. (2018) The Social and Political Role of Religion in Europe: the Demand for Christian Identity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 46–64 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64

ABSTRACT. *In the article analyzed the social and political role of Christian churches, their position in Europe from the point of view of statistics and presence of the faith-based organizations in the society. The author made a conclusion that the politicized Christianity on the European continent tied with the preserving of the role of Christian churches in the social structure as with the secularization that did not become desecularization (the returning of religion touched only Latin America, Africa, Asia) and created the vacuum of identity. The weakness of the modern Western European society in its capacity to defend and express the identity forced politicians to seek the support from Christian worldview. Different confessions demonstrated stable development and social mobility in the period of the formation of EU structures. The European politicization of Christianity became the part of the world process of the transfiguration of the religion into a way of the self expression of multiple identities in the circumstances of the inevitable globalization and becoming of the democracy as the optimal form of the social existence. The basic features of the process: the high number of church affiliated (faith based) civil organizations, network church activity, the possibility to reflect various forms of identity in a frames of the Christianized democratic structures.*

KEY WORDS: *Religion and politics, Church-State relations, problems of identity, secularization, traditionalism, religiosity in Europe, interconfessional relations*

References

Beaumont J., Cloke P. (2012) *Faith-based Organizations and Exclusion in European Cities*, University Press Scholarship. DOI: 10.1332/policy-press/9781847428349.001.0001

Berger P.L. (2005) *Religion and Global Civil Society. Religion in Global Civil Society* (ed. Juergensmeyer M.), Oxford: Oxford University Press.

Chernyshnva O.V. (ed.) (2015) *Religiya i tserkov' v Shvetsii: ot epokhi vikingov do nachala XXI veka* [Religion and Church in Sweden: from the Viking Age to the Beginning of the XXI Century], Moscow: Nauka.

Chislo katolikov v mire dostiglo 1,3 mlrd chelovek [The Number of the Catholics in a World Reached 1,3 bln] (2017). *Sibirskaya katolicheskaya gazeta*, October 24, 2017. Available at: <http://sib-catholic.ru/chislo-katolikov-v-mire-dostiglo-1-3-mlrd-chelovek/>, accessed 01.07.2018.

Cooperman A., Sahgal N., Schille A. (2017) *Religious Belief and National Be-*

longing in Central and Eastern Europe. *Pew Research Center*, May 10, 2017. Available at: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf>, accessed 01.07.2018.

Davie G. (2013) *The Sociology of Religion: A Critical Agenda*, Los Angeles; London.

Djankov S., Nikolova E. (2018) *Communism as the Unhappy Coming*. Policy Research Working Paper 8399. World Bank Group.

Foret F., Itçaina X. (2013) *Politics of Religion in Western Europe: Modernities in Conflict?* Routledge/ECPR Studies in European Political Science.

Global Christianity (2011). A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population. *Pew Research Center*, December 19, 2011. Available at: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/>, accessed 01.07.2018.

Habermas J. (2010) Religiya, pravo i politika. Politicheskaya spravedlivost' v mul'tikul'turnom Mir-Obschestve [Religion, Law and Politics. The Political Justice in the Multicultural World-society]. *Polis*, no 2, pp. 7–21.

Hervier-Lege D. (2015) V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obschestvakh razvitogo moderna [In the Seeking of Certainty: the Paradoxes of Religiosity in the Societies of the Developed Modern]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1(33), pp. 254–268.

Jenkins Ph. (2007) *God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis*, Oxford: OUP.

Kargina I.G. (2015) *Sovremennyy religioznyj plyuralizm: teoretiko-sotsiologicheskij analiz* [Modern Religious Pluralism: the Theoretical-sociological Analysis. Doctoral dissertation], Moscow: MGIMO (U) MID Rossii.

Kishi K., Cooperman A., Schiller A. (2017) Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially. *Pew Research Center*, October 3, 2017. Available

at: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/09/29162847/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf>, accessed 01.07.2018.

Kulkova A. (2017) Religiosity and Political Participation across Europe. *Values and Identities in Europe. Evidence from the European Social Survey* (ed. Breen M.J.), London: Routledge, pp. 36–57.

Le Statistiche della Chiesa Cattolica. Giornata Missionaria Mondiale 2004–2017 (2017). *Agenzia FIDES. Information Service of the Pontifical Mission Societies*. Available at: www.fides.org, accessed 01.07.2018.

Mudrov S.A. (2014) *The European Union and Christian Churches: The Patterns of Interaction*. Discussion Paper, No. 3/14, Europa-Kolleg Hamburg, Institute for European Integration, Hamburg. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/100266/1/792631250.pdf>, accessed 01.07.2018.

Orthodox Christianity in the 21st Century (2017). *Pew Research Center*, November 8, 2017. Available at: <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>, accessed 01.07.2018.

Presentazione dell'Annuario Pontificio (2000). *Bollettino. Sala Stampa della Santa Sede*, February 5, 2000. Available at: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2000/02/05/0071/00315.html>, accessed 01.07.2018.

Prokhorenko I.L. (2015) Ethnopoliticheskie protsessy i natsiya v menyayushchemsya mire. Ispanskij opyt regulirovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenij i inokul'turnoj immigratsii [Ethnopolitical Processes and Nation in the Changing World. The Spanish Experience of the Regulation of the Interethnic Relations and Other Cultural Immigration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 59, no 12, pp. 80–89.

Rubinskij Yu.I. (2013) *Tsennostnye orientiry Evropy* [The Value Orientations of Europe], Moscow: Institut Evropy RAN.

Stepan A. (2001) The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the "Twin Tolerations". *Stepan A. Arguing Comparative Politics*, Oxford: Oxford University Press, pp. 213–254.

Stepan A. (2003) An "Arab" More Than "Muslim" Democracy Gap. *Journal of Democracy*, vol. 14, no 3, pp. 30–44. DOI: 10.1353/jod.2003.0064

Steven M. (2009) Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation? *Religion, State and Society*, vol. 37, no 1–2, pp. 181–191. DOI: 10.1080/09637490802693981

Taylor Ch. (2017) *Sekulyarnyj vek* [Secular Age], Moscow: BBI.

The Changing Global Religious Landscape (2017). *Pew Research Center*, April 5,

2017. Available at: <http://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>, accessed 01.07.2018.

The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 (2015). *Pew Research Center*, April 2, 2015. Available at: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>, accessed 01.07.2018.

Zabaev I., Oreshina D., Pruckova E. (2014) Sotsial'nyj kapital ruskogo pravoslaviya v nachale XXI v: issledovanie s pomoshch'yu metodov sotsial'no-setevogo analiza [Social Capital of the Russian Orthodoxy in the Beginning of XXI Century: the Research Based on the Methods of Social-network Analysis]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1(32), pp. 40–66.